

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭПАТАЖ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЭТА АЛЕКСАНДРА МИРОНОВА

Николаева Е. К.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Александр Миронов (1948–2010) – один из самых ярких представителей поэтического андеграунда Ленинграда 1970–1980-х годов, член литературной группы Хеленукты. Стилистическая контрастность фрагментов текста, лингвистический эпатаж продемонстрирован в статье на примере стихотворений второго периода творчества поэта, которые отличаются наличием явной и прямой социальности, отстраненной фиксацией примет реальности, употреблением стилистически сниженной (вплоть до бранной) лексики на фоне слов высокого стиля.

Ключевые слова:

постмодернизм, хеленуктизм, сниженная лексика, смешение стилей

LINGUISTIC PROVOCATION IN ALEXANDER MIRONOV'S POETRY (LATE PERIOD)

Nikolaeva E. K.

Sankt-Petersburg State University
St.Petersbug, Russia

Abstract:

Alexander Mironov (1948–2010), a notable member of the group “Khelenukty”, was one of the most brilliant representatives of underground poetry in Leningrad during 1970–80’s. The paper examines contrast of styles as a poetic device employed by Mironov in the second period of his activity: these fragments are characterized by direct and implicit social angle, detachment in depicting reality, and use of highly colloquial (at times, obscene) words next to lofty language.

Keywords:

postmodernism, helenuctism, highly colloquial words, mixture of styles

Александр Николаевич Миронов (1948–2010) принадлежит к поколению ленинградских/ петербургских поэтов, чей творческий путь начался на Малой Садовой.¹ Некоторые из этих поэтов литературного андеграунда стали, по выражению научного сотрудника Кембриджского университета Джозефин фон Цитцевиц, классиками русской литературы последнего двадцатилетия XX века. К этим поэтам она относит и Александра Миронова, которому посвятила целую главу «Христианство и абсурд» в своей книге о ленинградской поэзии 1974–1980 (Zitzewitz 2016: 83–111.). В настоящее время (судя по количеству публикаций о творчестве А.Миронова) уже можно говорить о том, что этот поэт начинает занимать приличествующее ему место в истории современной поэзии (см. библиографию Николаев 2015: 621; Конаков 2020). На сегодняшний день вышли в свет три поэтических сборника: «Метафизические радости» (1993), «Избранное» (2002), «Без огня» (2009). Но его произведения стали широко известны в неофициальной культуре значительно раньше благодаря публикациям в самиздатских и эмигрантских журналах, сборниках и антологиях. Еще в 1981 г. (задолго до выхода первого сборника) он становится одним из первых лауреатов премии Андрея Белого.²

В круг поэтов Малой Садовой он вошел 16-летним юношей, будучи уже автором нескольких пронзительных стихотворений, демонстрирующих мастерское владение техникой стихосложения, мелодикой стиха, приемами звуковой игры. Так, многие бывшие «малосадовцы» и почитатели его творчества до сих пор могут прочесть наизусть его стихотворение «Рожала жена каторжанина..», также как и написанное несколько позже – «Перепелка»:

Ты ж моя

ТЫ Ж МОЯ

перепёлочка!

(Из детской колыбельной)

Этот детский наплыв, эти хлебные дни,

нескончаема зимняя порка...

¹ Малая Садовая – улица в центре Санкт-Петербурга, где с 1964 года до середины 70-х годов в кафетерии Елисеевского магазина собирались неофициальные молодые литераторы, избравшие путь «внутренней эмиграции».

² Премия Андрея Белого – литературная премия в СССР и современной России. Первая неподцензурная премия в советский период. Учреждена в 1978 году редакцией ленинградского самиздатского литературного журнала «Часы».

Раскачай мой содом, по садам проведи,
перепёлка моя, перепёлка!
Переплывь мою кровь, купола моих строк,
проколи меня песней до боли...
Я потом отплачу – это только залог –
отрицанье бессмысленной бойни
Отплачу и уйду, возвращусь в свой содом
не по травам – по острым осколкам.
Что-то тлеет во тьме – это сад твой сожжён,
перепёлка моя, перепёлка³

Мы привели это стихотворение, чтобы на фоне него показать, какие серьезные, «сущностные» изменения произошли в поздней поэзии Миронова в конце XX – в начале XXI в. Во вступительных словах к разделу «Временника “Новой Камеры хранения”» (М., 2007), посвященному поэзии Александра Миронова, О. Юрьев писал отметил: «Есть два поэта, оба бесконечно любимые. Обоих зовут Александр Николаевич Миронов. И это один и тот же человек. Первому поэту когда-то (в 70–80-е годы прошлого века) диктовали его стихи некие эфирные по тонкости звука и материи существа – пускай не жители Эмпирея, но из племени духов несомненно. Второй – с начала 90-х годов и по сей день – пишет их сам, человеческой, дрожащей от ярости и страха рукой» (Юрьев 2007: 60):

Хотел бы я жрать бесплодных и страшных самок,
построить себе родовой и вонючий замок,
клыки наточить, воспитать детей.
 (“Тело почти чужое – какой-то скрипач на крыше...”)⁴

Эти изменения своего мироощущения поэт описал и продемонстрировал в стихотворении «Жизни перетирается нить» (1993 г.), первая часть которого представляет собой медитативный текст, свойственный творчеству автора, передающий его размышления о жизни и смерти:

Жизни перетирается нить,

³ «Без огня». 2009. С. 11.

⁴ «Избранное». 2002. С. 351.

Тают цветы письма в голубом конверте.
 Хочется где-то как-то поговорить
 с кем-то о чем-то от лица самой смерти.
 Хочется нежную ее вплести
 В тщетную ткань стихопренья,
 Залатать все дыры ею, снести
 ужас беспомощного его говоренья

Постепенно нарастает раздражение автора, и текст-размышление обрывается обличительными отсылками к квазисимволам 90-х гг.: (парламент, фронда, трехцветный флаг, красный флаг). На фоне библейских аллюзий появляется стилистически сниженная лексика, слова из уголовного жаргона: «фуфло», «пахан» (а далее – даже обценная лексика):

Как парламент сменяет фронду, когда неслышно как
 Хам,
 наготу отца родимого открывая,
 к родовому древу крадется пахан
 то с трехцветным фуфлом, то с флажком первомая⁵

Исследователи поэзии Миронова характеризуют эти резкие изменения в тематике и стилистике его творчества как появление явной и прямой социальности: отстраненная фиксация примет реальности, использование бытовизмов, стилистически сниженной (вплоть до бранной) лексики на фоне «высокого штиля».

Так, в стихотворении «Праздник Троицы» (1996) горько иронически описано присутствие правительственных лиц на праздничных богослужениях, вошедшее в обычай с начала 1990-х:

Кто отец ваш? Какой-нибудь Ельцин-Лебедь,
 жопоносный Гайдар, словно три в одном или вместе –
 все стоят со свечами: угадай, а кто из них – нелюдь?
 Патриарх живоносный, обнимающий все очами?⁶

Здесь наблюдается четко выраженная стилистическая

⁵ Там же. С. 314–315.

⁶ Там же. С. 333.

контрастность фрагментов текста: бранный окказионализм «жопоносный», просторечное «нелюдь», и вдруг поразительная по красоте строка, построенная на использовании лексики высокого стиля, архаизмов «очи», «живоносный», т.е. носящий в себе жизнь. Таким способом автор описывает царящую в обществе и в его душе дисгармонию: церковь – Бог – и бывшие атеисты, все годы советской власти боровшиеся с религией. Тема сотрудничества власти и церкви вообще очень болезненно воспринималась поэтом:

вот и откровенья экономических сутр
а рядом с ними как на иконе
морда священника в законе
благословляющая скотский хутор.⁷
(«Слегка тронулось спуская пар время...», 1987)

Состояние раздражающей поэта дисгармонии общества, времени, в котором придется жить, передано здесь сочетанием разностилевой лексики (простор. «морда», книжн. «икона», «священник», угол. «в законе»), и в конечном итоге – отсылкой к сатирической повести-притче Джорджа Оруэла «Скотный двор».

Л.В. Зубова, исследуя язык современной русской поэзии, отмечает, что полистилистика, которая выступает не только как смешение литературных стилей, но и как стилистическая контрастность фрагментов текста (как в вышеописанных примерах) – это явление общее для всех направлений постмодернизма. По ее наблюдениям, контраст в произведениях постмодернизма «выступает либо как отражение дисгармонии, либо, напротив, как ценностное уравнивание всего сущего, как средство устранить оппозицию между высоким и низким» (Зубова 2000: 14).

Примечательно, однако, что сам Александр Миронов никогда не считал себя постмодернистом, резко и раздраженно выступая против этого течения в стихах последнего периода своего творчества. Он оставался верен Хеленуктизму – течению, которое возникло в 1966 году в литературной среде Малой Садовой. Иронический манифест «Вступительная статейка Хеленуктов» была написана Владимиром Эрлем, который и привел в сентябре 1964 г. 16-летнего Миронова на Малую Садовую, познакомившись

⁷ Там же. С. 289.

с ним в Публичной библиотеке, и Дмитрием Макриновым. Группа исповедовала эстетику абсурда, во многом сближаясь с обэриутами. По словам Вл. Эрля, «В основе литературного метода Хеленуктизма лежало сочетание несовместимых речевых оборотов – возвышенных фраз и намеренного просторечья, канцелярских штампов и ненормативной лексики, обыгрывание расхожих словесных клише, пародирование общеизвестных литературных произведений» (Эрль 2011: 99). С. Савицкий отмечает в качестве предтечь Хеленуктов Козьму Пруткова, капитана Лебядкина и т. п. (Савицкий 1998: 218). Н. Николаев называет ироикомическую традицию XVIII в. – отсюда, по его мнению, естественность архаизмов в текстах Хеленуктов (Николаев 2016: 375). Гораздо позднее в своих воспоминаниях Вл. Эрль признался, что они во многом «изобретали велосипед», идя более или менее от тех же истоков, что и обэриуты, но на момент возникновения Хеленуктизма основатели были в основном знакомы только со стихами раннего Н. Заболоцкого, опубликованными в его однотомике в «Библиотеке поэта» в 1965 г. и с детскими (и немногочисленными «взрослыми») стихами Д. Хармса, которые ходили в самиздате; поэтому многое из того, что уже существовало в русской (и европейской) культуре, им приходилось придумывать заново. Я не случайно остановилась на этом периоде творчества А. Миронова, так как понимание его приверженности Хеленуктизму позволяет «расшифровать», «прочитать» то стихотворение, о котором пойдет речь дальше. Оно было написано в 1999 г., но впервые опубликовано лишь в 2012:

Постмодернизм — хоть имя дико,
но мне не тешит слух оно.
Течёт безумное пятно
озорно, лая, безъязыко.
И ты, папанин*, всё один,
как бог, как червь и гражданин.
Папанин, попа модернизма,
жди, жизнь войдёт ещё, как клизма
в твой постмодернистский ад.
Пока ты жив, гони назад
лесбийскую, слепую суку:
сказал: кукую — не кукуй,
воруй на Весте Ист, воруй,

и чтоб ни йоты там, ни звуку.⁸

Это небольшое стихотворение переполнено интертекстуальными отсылками, литературными аллюзиями, явными и скрытыми. Прием пародирования общеизвестных произведений присутствует здесь в полной мере. Миронов смешивает произведения писателей XVIII, XIX, XX вв. Начинает с трансформированной, пародированной цитаты Вл. Соловьева, ставшей эпиграфом к «Скифам» А.Блока: «Панмонголизм! Хоть имя дико, Но мне ласкает слух оно.», причем в аллюзии Миронова несколько слоев: ведь это выражение в трансформированном виде присутствует в ироническом манифесте Хеленуктизма в форме: «Хеленуктизм! Хоть имя дико». В следующей строфе он использует всего лишь осколки, два компонента («озорно» и «лая», причем второй осовременен и превращен в деепричастие) знаменитого крылатого выражения «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй», употребленное в этой форме Радищевым в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву» и обретшее благодаря ему «крылатость». Хотя восходит это выражение к «Тилемахиде» В.К.Тредиаковского, а в своей предыстории имеет античные корни. Интересно, что в современном русском языке это самое известное выражение XVIII в. Поэт Ю. Шерман дает целую серию вариантов этого крылатого выражения в стихотворении «Чудище обло. Введение в современную Россию», где оно представлено как универсальная модель описания современной жизни, при этом – описания удручающе негативного (Николаев С. 2010: 432).

Литературно-языковая игра Миронова продолжается совмещением несовместимого: он ставит в один ряд слово «безъязыко», уводящее нас к «Облаку в штанах» В. Маяковского («улица корчится безъязыкая – ей нечем кричать и разговаривать») и, на первый взгляд, отрицающее значение слова «лая». Но, возможно, автор тем самым передает бессодержательность, пустоту высказываний постмодернистов (без языка невозможно говорить членораздельно). В следующей строфе цитата из оды – торжественного произведения, написанного высоким стилем! – «Бог» Державина: «Я царь – я раб – я червь – я бог!» Ср. у Миронова: «как бог, как червь и гражданин». А «гражданин» – это,

⁸ Александр Миронов. Поздние стихотворения // *НЛО*. 2012. № 3 (115). С.298.

похоже, уже из стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин». Автор высмеивает «гражданскую» позицию постмодернистов, точнее, ее отсутствие. Не случайно, сопоставительный союз «и» соединяет слова «червь» и «гражданин», отождествляя эти слова-характеристики. Каждое слово-цитата, каждый компонент крылатого выражения влечет за собой весь набор культурных коннотаций целого выражения или текста произведения-донора.

Слово «папанин» сопровождается авторской звездочкой/ссылкой с объяснением «комплекс Эдипа» (папанин – папа – папаша – папаня), отсюда возникает аллюзия к фамилии известного советского полярника И.Д. Папанина, при этом автор подчеркивает созвучие его со словом «попа» – ирония, вполне в духе Хеленуктизма. Таким образом, постмодернизм в отличие от Хеленуктизма описан как чудище озорно, как папанин, то есть воплощение Эдипова комплекса, вождедеющего стать вровень с настоящим искусством (модернизмом) и в этом его противоестественность, поскольку он является еще и тем, что находится сзади самого модернизма. И этот постмодернизм еще дождется того, что Жизнь (как некая реальность) как клизма войдет в его постмодернистский ад (т.е. зад).

Против постмодернизма он выступает и в одном из последних своих стихотворений 2000-х гг. «Проведешь на народной природе свой розовый час...»:

В небесах словно мини-акулы летят и летят
пост и пост модернисты, валютой случайной пузырятся
из Парижа в Моздок, это их вертоград-зоосад,
это их небеса, что на них призирают и зырятся.⁹

В этом отрывке наглядно представлена стилистическая контрастность фрагментов текста: 1) объединение в одно сложное слово библейского «вертоград» – «црк. сад, особ. плодовый; виноградник» вертоградный, садовый; вертоградарь муж. садовник (Даль 1978: т.1, 183), «вертоград сладости» (Иезек. гл.36, ст.5) – это Эдем, сад эдемский (Церковно-славянский словарь 1993: 72) и «зоосад», т.е. сад зверей, зверинец – слово, в метафорическом употреблении характеризующее сборище неприятных, странных людей: «Вы только взгляните на наши балы в собрании! Это же

⁹ Там же. С. 302.

не балы, а зверинец! А чего стоит эта боязнь приехать первым!» [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003).] (НКРЯ: дата обращения 30.04.2019); 2) употребление в одной строке «призирать» и «зыриться», восходящих к одному корню, но первое – церковнославянского происхождения: «призирать, призреть на что, на кого, взглянуть, бросить взор со вниманием, с участием, сочувственно, милосердно. Призирайте на нужды ближнего своего» (Даль 1980: т.3, с.414); а второе – просторечное, диалектное. Налицо явная тавтология, являющаяся здесь средством выражения презрительного отношения к постмодернистам. Возможно, выбор именно этих слов обусловлен и наличием у них паронимов «презирать кого, что» и «зариться на кого, что».

Чем было вызвано такое резкое неприятие постмодернизма? На литературную арену в начале 1980-х гг. вышло третье поколение писателей, про которое М.Эпштейн написал: «Это усталая литература. Черный юмор, абсурд, сюрреалистический акт, футуристический шок – все это когда-то восставало против: среды, сытости, разума, благополучия ... В нашей последней литературе за предел равен равнодушию» (Эпштейн 1991: 218). Эти писатели опирались на западный постмодернизм, который предоставил им ультрасовременную аргументацию отрицания. В свободе от религии, культуры, профессионализма – «в первобытности», по выражению В.Курицына, они видели условие создания новой литературы (Иванов 2003: 581). Видимо, против выхолощенности такого постмодернизма и выступал А.Миронов, который не мог оставаться равнодушным даже в самые тяжелые для себя времена. Для него обязательна связь времен в литературе, непрерывность (континуальность) литературного процесса. Жозефина фон Цитцевиц, писала, что Миронов – исторически ориентированный поэт, который восстанавливает прерванные связи с литературным наследием предыдущих поколений (Zitzewitz 2016: 83).

Литература

Zitzewitz Josephine von. *Poetry and the Leningrad. Religious-Philosophical Seminar 1974-1980. Music for a Deaf Age*. Great Britain: Modern Humanities Research Association and Routledge, 2016.

- Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т.1. М.: Изд-во «Русский язык», 1979.
- Дьяченко Д. *Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)*. М., 1993.
- Зубова Л.В. *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. М., 2000.
- Иванов Б.И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе 1950-е – 1980-е годы // Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е. *Литературная энциклопедия*. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Конаков А. *Материальные основания эпохи «застоя»: Александр Миронов как поэт архаики, смерти и нефти* // # 22 [Транслит], 2020. [Электронный ресурс] URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/22/aleksej-konakov-materialnye-osnovaniya-epohi-zastoya>. (Дата обращения 02.04.2022).
- Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // *Новый мир*. № 2, 1992.
- Миронов А. *Избранное: Стихотворения и поэмы. 1964–2000*. СПб., 2002.
- Миронов А. *Без огня*. М., 2009.
- Миронов А. Поздние стихотворения // *НЛО*. 2012. № 3 (115). С.298–303.
- Николаев Н. Александр Миронов: «В этом лепете, который стрекочет словами, весь вопрос...» // *Особняк: Литературный альманах*. Выпуск 4. М., 2016. С.361–402.
- Николаев Н. Миронов Александр Николаевич // *Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энцикл. словарь*. В 3 томах. СПб., 2015. Т.2 (Е-О). С.621–622.
- Николаев С. «Чудище обло...» // *Русская судьба крылатых слов*. СПб.: Наука. С.423–433.
- Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности // *НЛО*. 1998. № 2 (30). С.210–259.
- Эпштейн. М. После будущего, о новом сознании в культуре // *Знамя*. 1991, №1. С.217–231.
- Эрль В. *С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов*. СПб., 2011. С. 99.
- Юрьев О. [Вступительные слова к разделу, посвященному поэзии Александра Миронова] // *Новая Камера хранения. Временник стихотворного отдела за 2004–2006 гг.* М., 2007. С. 60.